

РОЖДЕНИЕ СОБАКИ

Марина Кузина

Москва

- Помним-помним - ухмыльнулся парень в окошке в ответ на мое появление.

Конечно, приятно, когда тебя где-то помнят и незнакомые люди улыбаются при встрече... Но даже из этого правила, как оказалось, есть исключение. По крайней мере если улыбки нервно-паралитические, а место где помнят - линейный отдел милиции.

Еще бы они не помнили...! И я долго не забуду как доблестные сотрудники отдела чуть не изъяли мою многострадальную Бареллу.

Утро, Иркутский аэропорт, меня встречает будущий напарник по соболевке, охотовед Шелеховского районного общества, Сергей Владимирович Десятов. Сейчас заберем оружие и в путь. Я же так давно рвалась на охоту на соболя!

Но к мечтам нужно идти через испытания и сотрудник в комнате спецконтроля тщательно (!) осмотрев мою турочку запаковывает ее обратно и вместо того что бы вернуть мне, утаскивает в ментовку. Там тоже ничего радостного не происходит и после продолжительного хождения туда-сюда и цыканья зубом мне сообщают, что номера на ружье не совпадают с указанными в разрешении.

- Будем изымать!

Спросонья пытаюсь что-то осмыслить и выяснить где тут не ага, но им не до меня. Они поймали опасного преступника! Они сегодня герои!

Уже вызван опер, уже найдены понятия, уже Сергей за окошком поднимает на уши половину Иркутска, уже я начала прикидывать какой вид будут иметь эти герои когда кто-нибудь из моей разрешиловки и ихнего начальства разъяснит им что и как должно быть оформлено...

Но тут пришел опер и все опошил. Долго пытаюсь вникнуть в то, что же инкриминируют мне и моей ружбайке, он наконец-то догадался, что его коллеги в количестве как минимум трех человек, банально не нашли номер на стволах. В смысле, не заметили его! А спросить об этом владельца ружья, было, естественно значительно ниже их достоинства.

Когда выяснилась истинная причина всего этого шума я, впервые потеряла дар речи. И потеряла его во второй раз за какие-то десять минут, когда передо мной извинились! Оно, конечно, понятно, что когда столь бравый подвиг дошел бы до реального разбирательства, всё могло бы выглядеть весьма кисло, но извиняющийся сотрудник милиции в любом случае вызывает у меня ту же физиологическую реакцию, что и сладкий лимон.

Так что пусть уж лучше помнят...

В общем, всего через каких-то три часа после прилета мы с ружьем и багажом (с ним тоже пришлось помучиться, так как в Домодедово мне не налепили на посадочный талон багажную бирку, а заметила я это только перед выходом на посадку, но здесь все обошлось проще, здесь преступников не ловили и я отделалась заявлением о содержимом моего рюкзака) двигаемся в Жигалово, что в 400 км от Иркутска. Что бы оттуда отправиться наконец-то на Каторгу. Нет, не на

каторгу, а на Каторгу - ручей, на котором стоит одно из центральных зимовий второго нашего компаньона - тоже Сергея, но Вадимовича и Богатова, который со всем грузом и провиантом зашел пару недель назад, что бы успеть до нас пропилить тропы, да наладить зимовья.

Переночевав у него дома, который он последние три года «строили мы строили и наконец построили», мы утром, еще затемно, выдвинулись в крайнюю деревню на нашем маршруте.

Тыпта встретила серым и хмурым рассветом, будто недовольным нашим появлением. Заехали к Сане Титову, который по плану должен был быть в тайге, но вышел на пару дней, что бы найти своего центрального кобеля, устроившего себе внеочередной загул.

Лишний раз накормив перед дорогой, хозяева вывалили на нас текущие новости - снега пока мало, температура держится около -10, что для этого времени и мест тепловато, соболя не много, он прыгает из-под собак и легко убегает, так что добыть его не легко, за то, не смотря на тепло, он уже «вышел»...

Саня вышел во двор проводить нас.

Как же он вздыхал!

- Да куда же ты пойдешь!?!

Ведь двадцать шесть километров и все в гору! Ведь еще рюкзак! Ты-ж потом неделю не встанешь! Да еще ружье! Ох, ну как же ты доберешься!

В конце концов не выдержал уже Сережка:

- Да уж дойдем как-нибудь, чего ты...! - но Саня его не слышал.

- Вы обязательно переночуйте на Рице...! - круглое, как таблетка, озеро Рица примерно на половине пути, там стоит жилое зимовье - Дрова там есть, продуктов тоже, каких-никаких... Ох, ну как же...!

Мы постарались поскорее сбежать что бы не поддаться панике.

- Я его таким никогда не видел, - пробурчал ошеломленный такими траурными настроениями Серега.

Но, не смотря на эмоциональное прощание, дорога прошла относительно легко. Только раз хороший подъем вызвал у меня тяжелый вздох, но то было еще начало пути и мы быстро добрались до «курганской вышки», от которой до зимовья на Рице было километра полтора в сторону. А, выпив на привале полтора котелка черного кофе, Сергей вообще включил такой форсаж, что мне и времени не оставалось думать об усталости и омрачало наше настроение только то, что через пару часов после выхода из Тыпты его кобель, Ачан, исчез. Вторая собака, тоже «восточница» Дарза, была все время в поле зрения, так что за ее внезапные отлучки беспокоиться не приходилось.

На Каторгу мы прибыли еще засветло и только-только успели затопить печку и поставить чайник, как с дальнего зимовья, что километрах в сорока от Каторги на

ручье Колыхтэй, прибыл Вадимович - на бурятском хитромордом коньке Запале и с четырьмя собаками, которые стоят того, что бы уделить им толику внимания.

Со времени своего приезда в Иркутскую область уже скоро как тридцать лет назад, Сергей всегда держал восточников, был и остается большим авторитетом в этой породе, но так сложилось, что последние несколько лет почти не выезжал на промысел, а значит, имея потенциально хороших собак, совершенно не представлял, кто из них на что годится в данный момент. Так, например, Новик, пятилетний кобель превосходного экстерьера, в прошлом году удостоился от нашего общего друга Влада весьма нелестного определения: «Собачка, хорошая конечно, но соверше-е-еенно не рабочая...!» И надо знать Влада, что бы представить, КАК он мог это произнести. А ведь это уже после того, что Новик зарекомендовал себя отменным медвежатником. Две суки Умка и Метка так-сяк проявляли себя по соболу в прошлом и позапрошлом годах, но назвать их работу выдающейся не смог бы никто, хотя Метка и становилась уже достаточно стабильной соболятницей.

И была еще одна западно-сибирская собака, получавшая в зависимости от ситуации разные погоняла: «Катерина», «Катька», «Екатерина Владиславовна» или «катастрофа». «По паспорту»-же она звалась «Катунь». Занесло ее сюда в результате прошлогодней договоренности Сергея с тем же самым другом-приятелем, так нелестно определившим Новика, обменяться собаками - один на Урале держал «западников», а другой, соответственно, «восточников» в Прибайкалье. В прошлом году Влад с пачкой своих собак приехал к Сереге и собаки его выживали в условиях сибирской тайги и внезапно придавивших сорокаградусных морозов. Там у мужиков, видимо от вынужденного безделья в ожидании когда-же наконец-то ободнят, и родилась идея отправить на Урал восточника учиться охотиться на лося, а западника в Иркутскую тайгу знакомиться с соболем и белкой. Вот и вышло, что ЛВС Соболь, сразу по прибытии на Урал переименованный в Иркутта, гонял лосей - по крайней мере, мы в тот момент на это надеялись, а ЛЗС Катунь сослали на Каторгу, что в верховьях Балыхты.

Жребий сей она приняла стоически, как и подобает аристократу голубых кровей, и с невозмутимым достоинством участвовала в жизни и работе восточников, выделяясь из компании мощных костистых сук и кобелей неземным изяществом. Экстерьера она была восхитительного. Такого резко косоного разреза век, такой изящной, будто точеной головки, такой легкой и в то же время идеальной с точки зрения функциональности колодки, мне еще видеть не приходилось.

И со всем этим аристократическим изяществом Катерина с завидной регулярностью творила мелкие и крупные пакости: таскала со стола беспризорные

куски, жрала белку, утаскивая ее, еще теплую, прямо из-под носа не верящих в такую реальность «восточек» и даже покушалась на соболей. Посоха ей почти не доставалось. И Влад просил с ней помягче и сама она была - в чем только душа держалась, но пару раз терпение заканчивалось даже у меня, а уж как сдерживался Серега, основным методом воспитания собак признававший этот полезный таежный аксессуар, не имею понятия.

Вот таким составом вечером 23 октября мы и собрались в зимовье, что в верховьях Каторги. Я - без собаки, ибо мой совсем еще не старый кобель отправлен на пенсию по состоянию здоровья и оба Сергея, один с четырьмя собаками и один с... ну мы надеялись, что Ачан тоже скоро почтит нас своим присутствием.

А в сорока километрах от Каторги, если считать дорогами, на другом ручье - Колыхтэе соболевал сейчас Серегин напарник Артем. И каждый вечер у нас не проходил без тяжелого вздоха:

- А Темка-то сейчас тОркат...! Оо-о-ох, торкат...! - экономя последнюю гласную, сетовал он.

И чем лучше и интереснее выпадала нам дневная добыча, тем тяжелее были вздохи и дольше рассказы о том, как сейчас там, на Колыхтэе... какой снег, какой лес, какие у Темки отличные собаки и конечно о том, как Темка сейчас соболюет во всю...

- Не то что мы - отдыхам тут себе!, - завершал он свою тираду, подвешивая в воздухе ощущение чего-то еще предстоящего, большого, трудного и правильного...

Но и нам везло!

Для начала - с погодой. Первое время днем было около -15 - самая удобная погода для хождения по лесу. Понемногу подсыпало снегу, хотя в лесу его было еще маловато, а по неглубокому снегу, соболь, не проваливаясь, легко убегает от собак.

- Это что, снег? Какой это снег для конца октября? Уже должОн в колено быть! - шумел Сережка, пиная носком сапога пухлый, выпавший за ночь снежок.

Но снег на него не обижался и падал, падал, падал, так что к первым числам ноября по дорогам ходилось уже с трудом. А потом наступил перелом - начало теплеть, небо по ночам было уже не морозно-звездным, а ватно-слепым и душным. И снег опал. Не растаял, а съежился, слежался. Сдулись пуховые подушки на дорогах, даже не образовав чира, а под кедрачом почти неприлично обнажились мхи.

Еще нам везло - вообще...

Тайга здесь разительно отличалась от привычных мне алтайских кедрачей - лес захламлен, а деревья вытягиваясь кверху почти без ветвей, лишь к вершине, как сибирские пальмы озадаченно неся пучок пушистых от лишайника лап. Те места по которым мы ходили обычно, в другой местности я-бы постаралась обойти, а «подсады», через которые продирались когда перли напролом, спеша на лайку, мерещились потом еще долго, стоило закрыть глаза. А ведь была еще и гарь, которой меня пугали каждый вечер.

- Ну, завтра в гарь пойдем, лосей гонять. Только бы сОболя туда не загнали - переломаемся там-то добывать. Сапожки свои поистыкаешь... - последнее

говорилось про мои полиуретановые сапоги, служившие верой и правдой четвертый сезон, но подвергавшиеся серьезной опасности в здешних ломинах.

- Э-э-э-эээх, а зеленуш-ш-шший лес раньше стоял - снова вздыхал Серега, рискуя превзойти в этом самого Титова - колотОвник...! И чего сохнет-то? Чего ему не хватат?

И мы бродили с утра до вечера по тихому лесу под возмущенные возгласы вездесущей пищухи и грустили от этой тишины до тех пор пока тайга не озарялась собачьим лаем. Или раскатистым и гулким - это лаял Новик, или высоким но размеренным - это Умка, или же острым, нервным, торопливым, частым - значит зверька загнала Метка. И тогда время останавливалось и спрессовывалось в быстрый шаг или бег, как позволяла местность, во внезапные остановки и попытки определить направление лая, а сердце и дыхание заглушали все звуки на сотню верст вокруг и только глубокий вдох помогал вытаять в этом шуме окошко, чтобы убедиться, что собаки все еще зовут нас.

И каждый день повторял предыдущий...

Позднее утро, часов восемь или даже девять. Десятов поднимается, затапливает печь, ставит на нее чайник и вчерашний суп с капустой - один из неизменных атрибутов зимовий Богатова - потом ложится в ожидании, когда по избе разольется тепло и щекочущий аппетитом запах. К этому времени просыпается Богатов, долго ворочается, выглянув в окошко, лениво тянет: «А чего, может поедим, да ляжем?». Потом, после не долгих приготовлений, наворачивает первую тарелку супа и с ворчливым «Ну и напарнички достались - жрать да спать!» расталкивает придремавшего Серегу. К общему завтраку, когда собаки уже повылезали из-под нар, собираемся все трое, употребляем по тарелке супа, стакану-другому чая с «балябочками» - сухарями, печеньем, конфетами... в общем с чем-нибудь сладким и начинаем собираться. Десятов - в свою сторону, а мы в свою. Так уж повелось.

День на третий после моего приезда, Серега отправил меня с двумя собаками одну, так как ему нужно было отвести Запала в условленное место, что бы оттуда Тёма забрал его на Колыхтэй. Мы с Умкой и Катькой ушли на север, и, побродив немного в пустую, вышли на выстрел к Десятову. С полчаса не было моих собак, потом раздался далекий лай и мы вдвоем пошли на полайку, а она все отдалялась и смещалась, пока не вывела нас к незнакомому зимовью. Почесывая в затылках мы сделали небольшой круг и, поняв, что лая больше не слышно, стали возвращаться к базе, стреляя по дороге белок из-под Дарзы и переживая - это в основном я - за Катерину.

Вернулись мы с запада под закат и как раз к тому времени, когда Богатов выгребал горстями СКСовские патроны что бы стрелять мне. А задержись я еще немного, то наверное уже бы и по мне, ибо, по его выражению, руки у него теперь были свободны, так как всю шерсть на... - дальше следовали сугубо авторские обороты речи - он уже повырвал.

После этого даже разговор заводить о том, что бы пойти одной было небезопасно. Патроны так и остались россыпью лежать на столе. И я ходила за его хлястиком.

Итак, мы собирались и часам к одиннадцати выходили на тропу. Такой поздний выход обуславливался не ленью, а тем, что по проекту Сереги, соболю, выходявшему на кормежку, нужно было дать время наследить.

Так мы ходили первую половину светового дня, добывая (или иногда не добывая) соболя, стреляли пару-тройку белок и устраивались чаевать. Сережка выбирал крупную сухую выскорь без земли и, нарубив с нее сухой щепы, устраивал костер. У костра мы сушились.

- Вот зачем мужику посох! – назидательно приговаривал Серега, причудливо развешивая на воткнутом в землю посохе «суконню куртку». Но он лукавил... Крепкие, тонкие, гибкие рябиновые посоха много для чего годились нам и помимо просушки курток. Идти, даже по неглубокому снегу, балансировать и опираться на него во время скачки по бурелому - все это без посоха было бы куда сложнее. А еще снять неловко повешенный над огнем котелок, а еще сбить с веток кухту, да и много чего еще... Ну и конечно, посох был и остается великим педагогическим средством для собак. В его присутствии они делаются мягче, покладистее и как будто значительно интеллектуальнее.

Напившись чаю и перекусив балябочками, досушивали на себе свитера и штаны, скармливали собакам по половинке беличьей тушки и собирались.

- Таа-а-аак! Дробь... пыжи... пистоны... собаки сами придут - проверялся на последок Сергей и с новыми силами мы шли на новые тропы.

Возвращались к вечеру, но чаще еще засветло. Десятов к этому времени был уже на базе и варил собакам или приходил почти сразу после нас. Только раз он не вернулся вечером – заночевал у себя на Ивушке, но за него Богатов не беспокоился и патроны остались россыпью лежать на столе у подножья керосиновой лампы, перемешанные с картами, дневниками, вязочками, какими-то бесцельными ниточками, батарейками, расческами (для соболя) и прочими необходимыми вещами.

Собравшись вместе, обменивались новостями - кто что как добыл, что видел и слышал.

На втором месте после следов зверья были следы соседей, заезжавших на соседние участки. В один из дней Десятов рассказал, что слышал выстрелы с той стороны Травяного - там участок Жуковых.

Богатов очень оживился, скороговоркой протрещал:

- Ну-у-у-уу...! Ты их напугал, да?

Потом вдруг как-то осел, расслабился и уже разочарованно-грустно пробормотал:

- А чего пугать-то? Радоваться надо, что хоть кто-то еще заехал... Вымираем вместе с кедрами.

Сообща варили на ужин суп с капустой - здесь священнодействовал Богатов, допуская нас лишь в качестве подсобных рабочих и виртуозно используя все особенности печки.

Вообще, если здесь у нас и была какая-нибудь константа, что-то незыблемое, длящееся во времени, то этим оставались: суп с капустой, компот из сухофруктов, превосходно утолявший жажду, ежевечерняя баня и дневники.

Дневники были в каждом жилом зимовье. Здесь, в Колыхтэе у Артема, на Ивушке у Десятова, у Бычкова. Были они и в уже не жилых зимовьях, но там

оставались теперь только в нематериальной форме отпечатков жизни на стенах и потолках изб, замерев до той поры, когда снова придет в них хозяин, положит на стол новую тетрадку с нелепыми ягуарами или выразительной девицей на обложке и напишет, выводя на первом листке неуверенную надпись: «Новая тетрадь. Начата в 2003 году. Старую добрые люди облили керосином.» И начнется с этих строк не просто новая тетрадь, а новый отрезок жизни, где человеческие и звериные судьбы сплетаются-переплетаются и оставляют друг на друге сразу незаметные, но нестираемые отпечатки. А там где сейчас жизнь была, тетрадки эти кроме всего прочего выполняли роль почтовых ящиков, писем и адресатов вместе взятых. И когда прикасаешься к ним, становится ощутимо ясно, что Жизнь, это не то, что цедят нам через фильтры телевизора, глянцевого журналов, интернета, кухонных сплетен и надуманных бед. А именно в таких вот неброских штрихах и секундных соприкосновениях. И даже у меня не поднялась рука пытаться как-то цензурировать или причесывать эти записки.

День. Месяц. Год.

Утром -30 градусов. Пошел в Васькин. Ночка куда то убежала из зимовья. Ходил без нее, ни одного лая, сходил как на прогулку. Охота не катит, надо наверное ехать домой, ково тут делать?

Вечером решил выварить череп соболиный.

День. Месяц. Год.

Утром 0 градусов, идет снег густой с ветром. Снега вывалило сантиметров пятнадцать. Пошли в Васькин. Три лая. Убили наконец первую белку не считая той, что при заезде. Пришли в зимовье, ободрали а она черная, вот так!

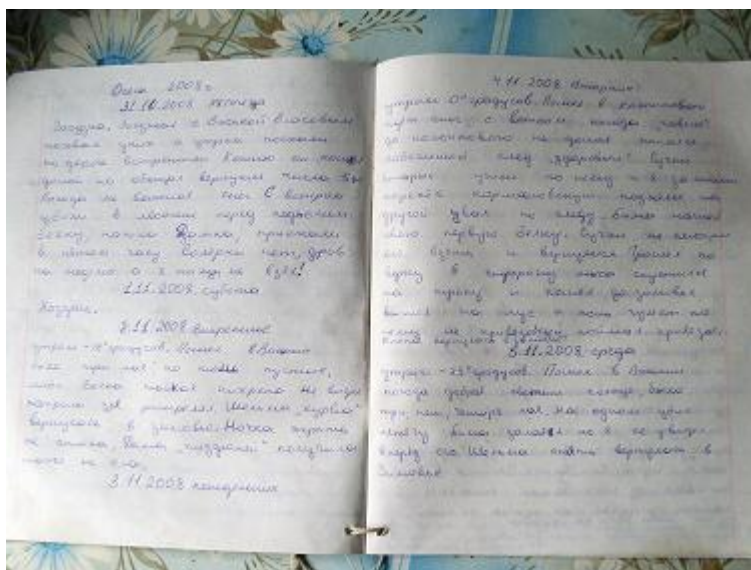
День. Месяц. Год.

Утром -3 градуса, идем в Колонковый, было два лая, на одном была белка, ее

убили. Хам ее утащил и «зажувал». Сегодня сядет на пайку. Ждем Петрова Пашу, он должен привезти телегу с досками. Завтра собираюсь до Богатова узнать чё по чём. Охота говно, настроения никакого.

День. Месяц. Год.

Утром -7 градусов, идем в Колонковый, погода «забавься», светит солнце, поют птички. В Колонковом залаяли собаки, убили там сразу две белки, полезли к вершине, там убили еще одну белку,

обошли вершину, спускаемся северным увалом. В лесу «жопа», снег тает, с деревьев капает, как будто дождь идет. Мы все мокрые и счастливые что убили три белки. О соболях мечты кончились в первые дни, в зимовье пришли в пятом часу, Паши Петрова так и нет, если к вечеру не приедет, то и ждать не «х-й».

День. Месяц. Год.

Утром -16 градусов. Пошел в Васькин. Было три лая, но то ли пустые либо белка тайкая ни хрена не видел, патроны зря расстрелял. Шельма «курва» вернулась в зимовье. Ночка жрать не стала, Дама «пиздюлей» получила, тоже не ела.

День. Месяц. Год.

Утром было -2 градуса. Всю ночь шел снег, пошли в Колонковый, было четыре лая и все пустые. Обошел Колонковый верхом, даже не чухнули что обошли. Спустились на Ивушкин мыс и филипповской тропой вернулись домой. Я поехал к Скусам за тапочками, началась пурга, ехал хоть шар коли не видно ни «хера».

День. Месяц. Год.

Ночевал в вашей избушке. Знаю что не званный гость хуже татарина. Да к тому же я по рождению татарин... Но постарался ничего не нарушить.

День. Месяц. Год.

Температура -10. Снег, ветер.

Пошел в Ивушку в попытке «позверовать». До Ивушки Ачан нашел две белки, Дарза одну. Добыл две штуки, одна - суразёнок, черный, что головешка!

Дошел до «стайки» лосиной (место где стояли лоси и откуда я их пугнул), но ни свежих следов ни их хозяев я не нашел.

На обратном пути зашел в зимовье, обсушился, попил чай и двинул на Каторгу.

Захарыч домовничал: соорудил полОк в бане, в зимовье добавил перекладину над печкой для сушки одежды.

И тянулись вечера, сливаясь в один бесконечный - под желтоватый свет керосинки – «эка, как я пиликалочку-то наладил, а!», как ребенок радовался Вадимыч – и говор радио.

После одного особо трудового дня, сняв белку - Богатов пришел в ужас от того, как я это делаю и в педагогических целях повелел, что теперь всю ее буду снимать только я - посадив соболей, сходяв в баню, поужинав, снарядив патроны, переделав еще массу мелких необходимостей и понемногу переходя в то расслабленное состояние, что предшествует сну, каждый ушел потоками своих мыслей. По радио, в унисон настроению, негромкий глубокий спокойный мужской голос говорил о процессах, происходящих в космических безднах, о звездных орбитах, о галактиках, которые рождаются и умирают, разрушая ткань вселенной... Наступила пауза и Богатов, вздохнув, произнес:

- Эх, а четыреста четвертый профиль опять завалило...!

И все засыпали.

А на утро вставал Серега, гремела печная дверца, с глухим стуком падали возле нее дрова, потрескивала береста, сворачиваясь в тонкую трубочку...

И мир рождался заново. И был неповторим.

Неповторим особенной работой собак, поведением зверька, узнаванием местности, ее интимных примет: профилей, тропок, путиков, открывавшихся не сразу, а постепенно, понемногу, будто оценивая, стоит ли доверяться чужому пришлому человеку...

Притихший и серьезный лес хмурится под тяжестью серого неба и молчит. И идти уже не охота - в гору, да тропа от Травяного не пиlena, каждую кедринку приходится или перелазить или обходить. Неулыбчивость погоды давит не столько тяжело, сколько монотонно и неизбежно. И впереди, с боков, сзади - все одинаково вертикально. И собак нет уже давно. Все следы увели вверх. Значит нужно стоять и слушать, а куда увели не известно - никакое зверье нашу тропу не пересекало. Стоим и слушаем. Все ту же тишину.

И вот далеко наверху, в горе, раздается лай. Мы прислушиваемся, вертя головами, определяем направление и не спешим идти. Умка, а это именно она, продолжает лаять. Уверенно, не очень яростно, но азартно, доносчиво... Тогда мы идем на лайку и встречаем свежий след.

«По настоящему Прокопич вздохнул, когда увидел сахарно-свежий соболиный след с размашистым конвоем собачьих лап. Некоторое время он смотрел на след соболя. Было столько великолепия в стремительном прочерке меж парами следов, в самой этой парности и в косоj растяжке каждой пары, сохраняющей на всем протяжении летучую синхронность. На донце следа различались отпечатки подушечек, а весь овал обрамляла мягкая корочка и края были в нежнейших щербинках.» (М. Тарковский)

Идя на лайку разбираем и след. Соболю шел вниз по склону, но развернулся назад. Может услышал нас или собак. Ума подцепила след не далеко от тропы и принялась тропить. Очень быстро догнала зверька, и они оба пошли на махах вверх по склону.

Когда лай стал яснее мы оставили след и на всей возможной скорости стали приближаться к собаке. Куда делась хмурость серого дня, монотонность однообразной тропы, уставшая тишина...?

Как не старалась я идти быстрее, но Сережку мне догнать не удавалось никогда - он шел как механический, быстро обходя выскори, перебираясь через буреломы, проламываясь через подсады... В лучшем случае я могла видеть его спину, мелькающую впереди, а в худшем принималась тропить его самого.

Но вот голос становится все четче, ярче, ближе. Кажется, что только падение замертво может

остановить того, кто идет на голос лайки. И все о чем могу думать и переживать в этот момент я, это слова Титова «соболек-то прыгат... ох и прыгат...!» и еще прибавлять шагу. Уже не до куртки и с деревьев на куртку, на шапку, за воротник, за шиворот сыпятся сугробики пухлого снега...

Собака лает за ближайшими деревьями, Сережка ходит вокруг, высматривая зверька, я продуваю стволы, заряжаю на всякий случай оба и подхожу ближе.

Соболек сидит на верхушке старой усыхающей кедрины и крутит головой, пытаясь наблюдать одновременно за мной, за Серегой и за собаками, подвалившими на голос. Я выбираю место поудобнее, напарник идет под кедром с посохом «на всякий пожарный», собаки задрав голову, замолкают, продолжая неотрывно следить толстого сытого старого кота.

Остановись, мгновенье...!

Сегодня решили сходить на Ивушку. Это не далеко, километра четыре от Каторги. Там у Десятова зимовье, туда он пилил тропу, идти должно быть легко, и там он видел пару соболиных следов.

Как обычно вышли на верхний профиль и немного прошли им пока не свернули на тропку. Собаки потерялись где-то еще на профиле, даже Катерина не проверяется. Сережка рассказывает мне про то, как рубились эти профили в восьмидесятых годах. Идти по тропке вниз легко и мы рассчитываем быстро добраться до зимовья, сделав там небольшой переход до соседнего ручейка, Прокши.

Лайку мы услышали за разговором еле-еле. Метка! Ее голос и манеру не спутать ни с кем. Лайка звонкая, азартная, почти истеричная, без перемолчек. Сойдя с тропы, мы идем сравнительно чистым лесом, но Серега по мере приближения к собаке все мрачнеет. Оказываемся мы очень близко от гари, той самой гари, которой пугают маленьких щенков и наивных москвичек... Только вчера Богатов вернулся из этой самой гари затемно и не солоно хлебавши, когда Новик угнал соболя в такую ломину, что добывать там его, да еще по темну было совершенно бессмысленно. И вот сегодня у нас есть шанс повторить этот бесславный подвиг.

Выхожу за ним на край живого леса и, о радость! Метка ярится на небольшую сухую кедрину, без верхушки совсем рядом. Значит, забираться в глубь не придется!

Дерево без веток, так что соболю или в нем или... уже улепетывает во все лопатки, оставив в дураках трех собак (Умка, Метка и Катерина - сегодня у Богатова «женский выход») и двух охотников. Отхожу метров на десять от деревины и расстреливаю три пулевых патрона по подозрительным отверстиям на голой макушке. Безрезультатно.

Серега разложил дымный костерок под деревом так, что бы дым засасывало внутрь и лазает около самого ствола, выстукивая его топором. Собаки почти не лают, наблюдая за нами. Э-э-эээ, убежал, видать, соболек!

Да нет! После очередного красноречивого словоизвержения в стволе раздается негромкое, но возмущенное урчание. Здесь!

Но радоваться-то ой как рано. Выше человеческого роста в стволе несколько небольших дупел, вылезет оттуда, прыгнет и пиши - пропало. По той же причине рискованно рубить. А вокруг ствола несколько бревен, сваленных на разной высоте так, что под ними нужно то пролезать, то перепрыгивать, если хочешь обойти кругом и только собаки почти беспрепятственно намяли круги из своих пятерней. Внизу, откуда затягивает дым, тоже несколько отнорков, но эту задачу еще хоть как-то можно решить.

И мы решили. Поскидывали верхние куртки - ими Сережка заткнул, как смог, дыры внизу. Костер забросали снегом, что бы не подпалить одежду. На оставшиеся пару отверстий пошел рюкзак.

В полуметре от земли Серега расширил естественное дупло и стал ощупывать его изнутри. Вдруг чертыхнулся, еще глубже засунул руку, пытаясь до чего-то дотянуться... Оказывается, соболь уже успел пробраться вниз в поисках выхода и Богатов только в последний момент спугнул его.

Мы уплотнили на сколько это было возможно, вещи, затыкающие отдушины, надеясь, что нашли их все и Вадимыч принялся вырубать отверстие на высоте груди, а я устроилась с ТОЗовкой напротив дупла - стрелять в упор из дробового было бы не самым здоровым поступком.

Наведя стволы на свежее дупло, размерами буквально пять на десять сантиметров, я караулила зверька, всячески ругавшегося и урчавшего на нас из деревинки. Из-под лезвия топора во все стороны летели щепки, а я стояла не более чем в метре от ствола, и большая их часть доставалась на мою долю. Поэтому держать ружье приходилось одной рукой, а второй закрываться от щепок. В дупле не было видно ни... чего. Собаки уже давно не подавали голоса, лоя каждое наше движение и буквально пожирая глазами дерево от корней до макушки.

Больше расширять дупло не стоило, но зверек все не появлялся. Серега, обазартившись, принялся рубить дупло с другой стороны и повыше. Тогда я смогла принять ружье обоими руками, и хоть как-то размяв совершенно затекшую руку, внимательнее взглянуть в темноту отверстия. Мне показалось что там что-то мелькнуло, но сверху продолжала лететь труха и мелкие щепки.

Отчаянно боясь что соболь проскочил вниз, попросила Сережку на минуту прекратить шуметь. Мы замерли. Секунду или две стояла абсолютная тишина. Собаки застыли вокруг дерева в невообразимых позах, и даже, казалось, затаили дыхание.

В полумраке полого ствола показался кончик носа, за ним вся хищная мордочка. Тихий хлопок ТОЗовской мелкашки...

Взяли!

И тогда все вокруг взорвалось звуками. Заорал Серега, многократно повторяя свой первоначальный диагноз: «Ну ты и фартоо-о-ооовая!», заскулили, залаяли собаки, носясь по свежим щепкам вокруг ствола и даже, лес перед нами как будто выдохнул, зашумел, как и положено.

Я выпрямилась и обернулась. И только сейчас по-настоящему увидела гарь. По сравнению с живым лесом она казалась сюрреалистическим сюжетом на тему техногенного будущего. До самого горизонта беспомощные мачты устоявших

кедров тянулись к небу, нарушая его мягкие линии своими шпильями. А внизу в два, в три, в четыре яруса лежали упавшие деревья, еще почти не прикрытые снегом и создававшие вдали ощущение мягкой моховой подушки. И лишь вблизи было видно, что эта подушка состоит из бревен в два-три обхвата, немислимо перекрещивающихся и переплетающихся в этом монохромном сюжете.

Тогда выдохнула и я...

Весьма довольные друг другом мы с Сережкой вытащили наши куртки и рюкзак из дупла, отряхнули как смогли от щепок и трухи, полюбовались светло-коричневой соболюшкой.

День только начался, белки мы еще не стреляли, поэтому собакам досталось по полсухаря и масса похвал и комплиментов.

Да, мы-же шли на Ивушку! Ну, тронулись...

Выскорь догорала, мы уже давно напились чаю, высушились, и собрались. Собаки, отдохнув и получив по сухарю, бодро и радостно умчались от стоянки, резко контрастируя своим настроением с погодой - пасмурной и хмурой, с набрякшими снегом облаками, цепляющими вершины кедров. Снег перестал идти еще до обеда, но на нас с каждого дерева, с каждой веточки сыпалась кухта.

Не торопясь, мы шли в сторону базы. Прошли мимо Митюковского зимовья - еще

доброе, устроенное, но по этому году не жилого - и пошли нижним профилем. Через некоторое время, постояв и послушав собак, сошли с него, посмотреть следки и почти сразу наткнулись на отпечатки собачьих лап. Судя по кровотокающей передней правой - это была Метка. И она гнала соболя.

Разбирая след, мы вслушивались, поминутно останавливаясь и крутя головами, в ожидании лайки. И, конечно,

дождались - сучка заблажила так, что казалось, держит и не дает уйти целому выводку соболей. Ей подлаивала Умка. И даже Катерина вплетала в их дуэт свою редкую, но чистую и настойчивую ноту.

Слыша такой призыв, мы помчались со всей возможной скоростью - километра три в час... Впереди по курсу маячил пихтовый подрост, а дальше, мы знали, протекал Травяной, русло которого заросло орешником. Мы шли на голос, но он, оставаясь таким же азартным, стихал, хотя по манере лайки совсем не казалось, что собаки переходят. Размышляя над этой странностью, я продиралась вслед за Серегой через двух-трехметровые заросли пушистых пихточек, при каждом касании осыпавших меня влажным снегом.

Но внезапно подрост закончился и нас буквально оглушило собачьими эмоциями. Все три сучки сидели под тонкой сухой пихтушкой, высотой 5-6 метров

и совершенно голой. На ее вершинке, уцепившись всеми четырьмя лапами, раскачивался соболек и ошалело тарачился на собак.

Позже, частью возвращаясь по следу, мы поняли, что зверек, видимо местный и хорошо знавший окрестности, пытался, улепетывая от собаки на махах, укрыться в ломовнике у ручья, но не успел, не смог оторваться от лайки, «давлившей» его на высокой скорости и укрылся на ближайшей, совершенно не подходящей для этого сушине, буквально в нескольких метрах от спасительной подсады.

Э-э-эээх, не дотянул котиска...

Мы поднимались от нижнего профиля к Спиридону старой тропкой. Сегодня на арене - Новик, Умка и ее величество Екатерина Владиславовна. Последняя - в невероятном фаворе, потому как за утро из под нее добыли две белки. Ну а то что обеих она попыталась втихаря умыкнуть, мы с Серегой на радостях почти забыли. До сего дня она вообще бегала преимущественно нашими да собачьими следками. Но бегала уверенно с очень серьезным видом и так как в новой тайге охотилась всего-то пятый-шестой день, то вселяла надежды и этой основательностью.

А сегодня как прорвало.

Утром снова пуржило, почти около ноля. Погода - как цитата из дневников. Потому пошли пилить тропу до Юрты - тоже зимовье, сейчас не жилое - и дальше до Новочувашово, но бензин быстро закончился - тропу сильно завалило. Поохав о том, что только в позапрошлом году его тесть пропилился здесь на славу, Сережка оставил пилу, и мы направились между профилей.

Шли и рассуждали о Катерине. И тут она лает в третий раз позади нас.

Мы прошли в обратку совсем немного и лайка прекратилась. Постояли, послушали в надежде, но нет - тихо.

Что-то бурча под нос про элитных высокопородных западносибирских лаек, Серега снова повернул обратно и метров через сто пятьдесят навстречь нам пролег свежий соболиный следок.

- Голова так скоро закружится, вертеться туда-сюда.

И мы слушали. И шли одиноким следом. И удивлялись тому, что замолчала Катька...

И совсем не удивились новой лайке - Ума, умничка... Но след оставался одиноким и неспешным.

Лайка совсем рядом и идти вниз, так что подвалили мы споро.

На предельно утоптанной собаками полянке с небольшой, тоже истоптанной выскорью застыла Катька, вперившись взглядом в невысокую кедрушку, лаяла туда же Умка, и молча сидел и улыбался всем телом Новик. На кедрушке примостился соболь, со спокойным любопытством наблюдавший за тем, что происходило внизу.

А реконструкция событий, по моей версии была такова...

Катерина наткнулась на парной след или на самого соболя и «посадив» его, залаяла. На лай подвалила Умка и в ее присутствии стеснительная аристократка замолчала. А чуть позже Умка и сама, разобрав запутанные следы или перевидев зверька, начала лайку. Новик-же подошедший на голос и слышащий нас, просто молчал - он вообще всегда замолкает когда подходит охотник.

Добытого соболя Катерине дали потрепать из рук, чему она была страшно рада. Но даже ее радость была не сравнима с радостью моего компаньона. Сережка

просто искрился от удовольствия. За пять минут он придумал Катерине множество лестных прозвищ, дал целую белку, всячески нахвалил и наласкал удивленную его поведением сучку. И было от чего радоваться - ведь он не только показал ей добытых соболей, но и она сама, пусть пока еще неуверенно и неумело, но залаяла зверька.

Его обязательства перед другом были выполнены сполна!

Не люблю я громких слов. По чьему-то удивительно точному выражению «они сотрясают воздух, но не собеседника». Но все равно скажу, что Новик оставил на сердце зарубочку, как мало какие собаки за все мое общение с ними.

Сейчас ему пятая осень и больше всего он похож на добродушного медведя из мультфильма. Лапы - толщиной с мое запястье, голова с небольшой бочонок рома, какой носят сенбернары на старых гравюрах. Корпус у кобеля достаточно растянутый и выглядит пес так, будто только-только плотно покушал, а потом долго и лениво лежал на солнышке, «завязывая жирок». Но если запустить руку в шерсть, то пальцы коснутся вопиющей стиральной доски - уже за первые дни охоты кобель успел «выработаться», потому что охотничьей страсти он необыкновенной.

Масти - «карамистой». Антрацитово-черный с рыжим подпалом и двумя рыжими метинами на бровях, придающих его морде удивительную выразительность.

Особенно забавно он смотрится рядом с Катунью - с ее «мордочкой-дудочкой», тонкими изящными лапками, колодкой, почти не имеющей третьего измерения. И даже их движения, оставаясь уверенно-уместными и правильно таежными, различаются как повадка тяжеловоза и чистокровного рысака.

По стандарту восточносибирской лайки, у нее должен быть квадратный обрез губы и «морда кирпичом». Стандарту Новик соответствует абсолютно. И его «кирпич» такой массивный и... «бульжный», что обхватить одной рукой его щипец мне не удастся. Но я стараюсь. И не столько потому что ему безмерно нравится любое общение, сколько потому, что никогда еще не встречалась мне собака, умеющая так заразительно улыбаться. Застенчивая его улыбка расплывалась на медвежьей морде с призывно заложенными ушами расплывалась, стоило только взглянуть на пса, и покорила меня с самого первого дня. А когда кобель признал во мне человека, готового угощать его всякими кусочками - благо Серега на удивление равнодушен к таким нарушениям собачьего этикета - то очень быстро обзавелся привычкой в ответ на улыбку и в подтверждение своего ко мне расположения, шлепать на колено свою колоссальную лапищу. А то и обе.

А когда этого становится недостаточно, он утыкается лбом в коленки, выражая тихую уверенность в том что его обязательно и потреплют за ушами. Удар от такого пса мог бы сотрясти до основ сознания, но Новик всегда предельно деликатен и выражает расположение лишь своей неотразимой неуклюжей улыбкой.

Самое же главное, что при всем своем обаянии и добродушии он - настоящий «без дураков» работник. Правда, до этого сезона лишь по «крупняку» - медведю, лосю, изюбрю. «По мелочи» он пока особых талантов не проявлял - потому-то Влад по прошлому году и отозвался о нем так нелестно.

И вот сегодня мы идем добывать «моего» соболя. Все предыдущие дни Вадимыч говорил:

- Вот добудем десятка полтора и можно начинать охотиться... Тебе вот, соболушку промыслим... И перед Темкой не так стыдно будет. Он-то там сейчас торкат...!

И мы их добыли. И половину - из-под Новика. А когда сам обалдевший от того что сделал кобель, обнюхивал очередного посаженного им соболя, которого гнал три с половиной километра, Богатов уважительно протянул:

- Э-э-ээээ... Да ты оказывается - Собака...!

И прозвучало это как «Я посвящаю тебя в рыцари...»

В этот день мы вышли поздно, чуть не в двенадцать. Уже даже не тепло, а просто жарко. Градусник показывал +3, снег зернился и слеживался, с веток капало. Ноябрь, однако...

Сегодня выход «смешанный» - Метка орет благим матом, запертая в стайке на базе, возмущаясь несправедливостью судьбы. Ее не взяли.

Собаки ушли по следу. Стоим, на тропке у Травяного, облокотившись на посоха. Ждем. Слушаем.

Сережка ушел тропить. Спустя полчаса тишины вдруг низом пробежал Новик, но, странное дело, хотя хвостом и вильнул, да, мол, узнаю, а не подошел. Остановился неподалеку, сел, головой по сторонам крутит, и виду пса такой озадаченный. Пока мы так сидели-стояли да решали как жить дальше, сверху свистнул Серега. Услышав его Новик подскочил, будто под ним петарду взорвали, и умчался напрямки на голос. Я - за ним, хотя и не так споро. Метров через триста вышла на Серегу вид у которого был точь-в-точь как у Новика. И было с чего.

Пока он обрезал небольшой участок, соболя буквально выскочил на него. Промчался метрах в трех и исчез, сопровождаемый символическим салютом из ТОЗовки. Пока Сережка приходил в себя, пока звал меня, пока ждал, на него так же внезапно выскочил Новик, понюхнул кругом, прихватил парной след и умчался им.

- Эх, жаль – ушел твой соболя, только хвостом махнул. Не посадит по такому снегу. Котишка уже на махах пошел. Ну, идем, что-ли...

Но минут не больше чем через пять раздался басистый, как в бочку, лай кобеля. Не веря своим ушам, мы подошли почти вровень с остальными собаками.

- Фартовая...! Ну, фартовая...! Такие соболя должны... просто обязаны убежать! Так что «мой» соболя меня дождался.

Меня и Новика.

Крайний день на Каторге. Сегодня вечером должен приехать Артем, а завтра мы выходим.

- Кого тут делать? - в сотый раз вопрошал Богатов.

По причине погоды день назначен таборным, ибо наступила весна. На настроение Вадимыча это подействовало угнетающе, поэтому собаки не вылезают из-под нар. Мы переделали все, что откладывали на потом - подчинили коптящую печную трубу, накололи поленницу дров, снарядили Богатову с полсотни патронов, навели порядок в стайке и пришли к выводу, что «таборные дни» выматывают своим бездельем хуже чем самые тяжелые походы.

Но Метка, выпущенная из избы, с нами согласна не была. Еще днем она ушла, лаяла там какое-то время, но вернулась, так как Богатов решил, что черта с два он куда пойдет в такое лето.

Но, вернувшись, сучка некоторое время покрутилась на базе и снова ушла, уведя с собой Умку. Через час залаяли уже обе. Серега принялся «выдерживать характер», убеждая нас, что они валяют дурака. В конце концов, компромиссом стало то, что он послал на лайку Десятова, который вернулся через час без собак и с пустыми руками, так как темнело, а он не взял фонарь. Тогда оделся и засупонился «сам» Богатов.

Лаяли собаки совсем рядом, так что когда он не вернулся ни через полчаса ни через час, мы стали ломать головы что там могло оказаться интересного.

Вернулся он в четверть десятого. С собаками и матушкой, которую «сучки крашенные», как оказалось, умудрились выкопать из корней и загнать на дерево.

Такие вот они бывают - таборные дни.

Что-же, всем известно, что «все хорошее когда-нибудь кончается». Поэтому температура, упорно поднимавшаяся всю вторую половину нашей «каторжной» жизни окончательно растопила снег, и по ночам подмерзало ровно на столько что бы к утру образовывался устойчивый жесткий чир сантиметра по два толщиной и сосульки вытягивались почти до земли. Все собаки кроме невесомой Катерины уже давно различались по следам благодаря особенностям кровивших лап, но оставляемые, на базе возмущались ущемлением своих прав и обязанностей. Зато соболя такой снег держал твердо.

Поэтому было принято два командирских решения - выходить на день раньше и «так уж и быть забрать с собой» Богатова. Сидеть ему на Каторге, равно как и ехать в Колыхтэй не было никакого смысла. Тем более что, наконец, приехал Тема, который натеркал на пару соболей меньше нас и Вадимыч шумно и с облегчением выдохнул.

Так что утром мы привели все в порядок, протопили крайний раз зимовье, что бы картошка под нарами не померзла, и тронулись в путь.

Мы с Темой как сиамские близнецы на его Малыше, Богатов - на Запале со всеми вьюками и привязанным к конскому хвосту Новиком, ну а Десятову достался пеший порядок.

В Тыпте заехали к Сане Титову, разузнать как остальные. В этом году многие охотники зашли на свои участки, так как стоимость пушнины немного поднялась - даже белка шла в промхозе по полтиннику. Сейчас все, как и Богатов, сделали себе небольшой перерыв и ждали снега заходить снова.

И на утро - завершающий аккорд - сдача пушнины по договору. Пучки белки, сдержанно переливаясь хвостами, легли на стол приемщицы, она раскладывала их по сортам и дефектам, сосредоточенно рассматривала, высчитывала проценты.

И ото всего вокруг веяло дельным, настоящим и незыблемым, и не хотелось думать о том, что все это неумолимо рушится, что большинству людей в том мире,

куда пора было возвращаться, больше не нужна ни эта пушнина, ни эта тайга, ни эта простая правдивая жизнь.

Использованы фотографии Сергея Десятова, Артема Скумса и Марины Кузиной